

Зинаида Романовна Жукоцкая
БИП-Университет права
и социально-информационных технологий, Могилев

ЛИЧНОСТЬ АНДРЕЯ БЕЛОГО В ДИАЛОГЕ С ВЕЧНОСТЬЮ

*«СОЕДИНЕНИЕ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ С ТОЙ ИЛИ ИНОЙ ДАННОСТЬЮ
РОЖДАЕТ ЦЕННОСТЬ, В СООТВЕТСТВИИ СО СВОБОДНОЙ ВОЛЕЙ ЛИЧНОСТИ».*

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Аннотация. *В статье рассматривается творческий и жизненный путь Андрея Белого через призму концептуальных идей известных писателей и культурологов. Показана доминирующая идея русского символиста – формирование культуры личности как культуры духа.*

Ключевые слова: *культура, символизм, монада, житнетворчество, художник астрального плана.*

Abstract. *The article examines the creative and life path of Andrei Bely through the prism of conceptual ideas of famous writers and cultural scientists. The dominant idea of the Russian symbolist is shown – the formation of a culture of personality as a culture of spirit.*

Keywords: *culture, symbolism, monad, life creation, artist of the astral plane.*

Творческий и жизненный путь Андрея Белого – *Бориса Николаевича Бугаева* (1880–1934) прошел под знаком диссонансов, контрастов и гаммообразных взлетов и падений, он «с одинаковой страстностью бурлил и пенился на гребнях всех волн». В статье «Памяти Андрея Белого» Федор Степун усматривает в смерти русского символиста «новый этап развоплощения прежней России и старой Москвы», называя русского символиста «последней крупной фигурой, связанной с расцветом московско-петербургской довоенной культуры» и сравнивает его с пристанью, к которой можно было бы причалить, «если бы был нам сужден возврат» [1, с. 157].

Судьба Андрея Белого как писателя определилась после знакомства с семьей брата Владимира Соловьева – *Михаила Сергеевича Соловьева*, где и был подсказан псевдоним, а, по сути, монашеское имя высочайшего духовного служения, определившего всю его судьбу, – «*Андрей Белый*» (белый – любимый цвет Владимира Соловьева – божественный, священный, гармонично сочетающий все цвета, как отмечал сам поэт «символ воплощения полноты бытия»). Имя Андрей также символично – означает «мужественный» и напоминает об одном

из двенадцати апостолов Христа – Андрея Первозванном и его связи с Россией. В семье Соловьевых Андрей Белый впервые услышал В. С. Соловьева, философа С. Н. Трубецкого, историка В. О. Ключевского, позже – В. Я. Брюсова, Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус.

Андрей Белый одна из тех фигур, с которых начинается новая русская культура – настолько символичным и знаменательным оказывается его творчество, о чем впоследствии он напишет:

Мы были – сумеречной мглой,
Мы будем – пламенные духи.
Миров испепеленный слой
Живет в моем проросшем слухе.

Огромное влияние на судьбу Андрея Белого оказало имение «Серебряный Колодезь», где от любования всеми прелестями русской природы формировался художественный мир будущего мыслителя. «Здесь некогда перечитывал я Шопенгауэра... Возникли здесь именно все источники знаний; продумывал я здесь “Символизм”; приходил Заратустра ко мне: посвящать в свои тайны» [2, с. 19]. От равнин этого имения родились у А. Белого «Симфонии», «Пепел», «Серебряный голубь». Отсюда шел путь к «тайному знанию», слышались звуки таинственных голосов: Восходы зари невосшедшего солнца. / Этот голос во мне поднимался в полях...

Гениальная одаренность Андрея Белого смогла появиться и проявиться в переходные, сложные и бурные периоды нашей эпохи, когда прежние идеи начинают обретать новую жизнь, а забытые ценности постепенно возрождаться. При этом темп жизни, динамика эпохи создавали ту активную, питательную среду, которая была необходима противоречивым, неординарным художникам, стремившимся все многоголосие жизненных проявлений облечь в определенную форму. Такой формой для русского символиста стала *монада*, отражающая бытие мира в диссонансном строе Вселенной Андрея Белого:

В себе – собой объятый,
(Как мглой небытия), –
В себе самом разъятый
Светлею светом «Я».

Современные исследователи (Ю. А. Асоян и А. В. Малафеев), анализируя статью Н. В. Бугаева (отца русского символиста) «Основные начала эволюционной монадологии» (1893), в которой лейтмотивом звучит тезис – «*прошлое не исчезает, а накапливается*», отмечают: «И потому любая монада, представляющая собой единичную духовную субстанцию и весь мир, как совокупность монад, все больше и больше совершенствуется» [3, с. 165]. Заменяя монаду культурой, ученые приближаются к определению Степуна, для которого все бытие монады только и состоит в том, чтобы отражать бытие мира, быть отраженностью. Поэтому

одинокость А. Белого (а именно оно и есть его небытие, ибо бытие всякого «Я» начинается с «ты-еси» по Вячеславу Иванову) Степун назвал *монадологическим*.

«Как лишенная окон монада, Белый занимал в иерархически-монадологическом строе Вселенной, бесспорно, очень высокое место (одно из самых первых среди своих современников), ибо – в этом вряд ли возможны сомнения – он отражал тот мир "рубежа двух столетий", в котором жил и из глубины которого творил, с максимальной четкостью и ясностью. За эту верность своей эпохе не в её явных благополучных формах, а в её тайных, угрожающих в ней катастроф, как готовящемуся в ней взрыву всех привычных смыслов, А. Белый и заплатил трагедией своего небытия и одиночества, ставшей, правда, благодаря магии его дарования, нашей крепчайшей связью с ним» [1, с. 170].

В романе А. Белого «Петербург» много пророческих оборотов и своеобразных сравнений: «...люди – клавиатура, на которой летучие пальцы пианиста бегают, преодолевая все трудности...», «спортсмены революции», «близится великое время; остается десятилетие до начала конца... всех годов будет значительней 1954. Это – России коснется; в России колыбель будущего» и т. д. Степун был уверен, что все пророчества А. Белого – это лишь предчувствие хаоса и взрыва, более того, пророческие страницы романа носят «романтически-славянофильские обнадеживания» и выступают вторым планом, а доминирующим является «прыжок над историей», взрыв быта и европейской культуры. Но время расставило свои акценты и, как А. Белый и предчувствовал, Россия разделилась, «надвое, надвое разделились и судьбы отечества; надвое разделилась, страдая и плача, до последнего часа Россия». Бердяев, называя роман «Петербург» астральным, отмечал особенное ощущение космической жизни, ощущение эфемерности бытия А. Белого, только ему принадлежащее художественное ощущение космического расплывания и распыления – «*Мировая ткань представлялась там фурриной тканью*». Погружая человека в космическую безмерность, А. Белый отдает его на растерзание космических вихрей, тем самым раскрывая астральный мир. Насыщенность романа космической эфемерностью дало повод Бердяеву назвать русского символиста «художником астрального плана, в который незаметно переходит наш мир, теряя свои твердость и очерченность... До эфемерного, уходящего в астральный план Петербурга, ничто не доходит из глубины России... Он любит Россию уничтожающей любовью и верит в её возрождение через гибель. Такая любовь свойственна русской природе» [4, с. 315–316].

Бердяев, сравнивая Андрея Белого с русской природой, с русской стихией, и слышит в нем, как и Степун, «шевеление русского хаоса». Русский до глубины своего существования, Андрей Белый, подобно Чаадаеву, любит Россию «невероятной» любовью:

Россия – Ты ?.. Смеюсь и умираю,
И ясный взор ловлю...

Невероятная, тебя – (я знаю) –
В невероятности люблю.

Личность А. Белого – это огонь пророческого вдохновения, который зажегся для рождения нового лика и нового слова внутри своего «Я» сквозь зовущую и звучащую музыку предвестий. Его антропологический символизм соединяет образы созидающей воли и открывает путь в Вечное, а значит, в будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степун, Ф. Н. Памяти Андрея Белого / Ф. Н. Степун // Степун Ф. Н. Встречи. – М.: Аграф, 1998. – 247 с.
2. Цит. по: Мочульский, К. В. Андрей Белый / К. В. Мочульский. – Томск: Водолей, 1997. – 256 с.
3. Асоян, Ю. А. Открытие идеи культуры (Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков) / Ю. А. Асоян, А. В. Малафеев. – М.: ОГИ, 2001. – 342 с.
4. Бердяев, Н. А. Астральный роман. Размышления по поводу романа А. Белого «Петербург» // Бердяев Н. А. О русских классиках. – М.: Высшая школа, 1993. – 366 с.